

Рауфа Кариева

ОГРЫЗОК ЯБЛОКА

Не утратившее актуальности, прошлое...

18+

Рауфа Кариева
Огрызок яблока

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кариева Р.

Огрызок яблока / Р. Кариева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Женским судьбам писатели в своих произведениях уделяют гораздо больше внимания, нежели мужским. Я так думаю. Поэтому решила восполнить вероятный пробел. В этой книге - судьбы только мужчин. Это были реальные люди, встретившиеся на моем жизненном пути. События также реальные. Вымышленными являются только имена.

Содержание

Золовка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Рауфа Кариева

Огрызок яблока

Я всю жизнь думала, что мужчины счастливее женщин. Их меньше количественно – поэтому выбор спутницы жизни им осуществить легче. И вообще, мужчины сильнее, мудрее. Они главнее, чем женщины – это шептала мне моя восточная кровь.

Такие мои мысли жизнь подтверждала мне с юности.

Однако в настоящее время я думаю иначе. Счастье и удачливость от пола не зависят.

Золовка

Еще в детстве я обратила внимание на брата своей подруги соседки, Томи. Он был старше нас на несколько лет, с нами не играл и не дружил, а только озорничал. Например, придем мы все – подружки нашего двора – к Томе, в гости, на день рождения, а ее брат через открытое окно на стол ветки и камешки кидает – пугает вроде. Мы визжим, а ему весело.

Время шло, мы становились взрослее. Я наблюдала, как Толик вырос. Такой красивый стал. Высокий, волосы кудрявые, темно-каштановые, глаза серые, умные и добрые.

Но Толик по-прежнему считал меня, как и свою сестру, и наших всех подружек – «малышней». И это было правильно. Потому что было правдой.

Несмотря на очень юный возраст, я пришла к выводу, что Толик – очень интересный мужчина. Более того, какая-то внутренняя природная мудрость внутри меня – на клеточном уровне, что ли – шептала: это идеальный будущий муж и отец твоих детей.

Конечно, эти мысли были смутными и четко не формулировались. Я была еще слишком ребенком, чтобы запланировать и, тем более, осуществлять какие-то планы и действия.

Толик был очень умным. Он учился на одни пятерки в физико-математической школе, и постоянно ездил в Москву и другие города на разные олимпиады. И всегда привозил дипломы. От своей подруги Томи я слышала, что золотая медаль Толика и все эти дипломы обеспечат его поступление в МГУ.

Тому и Толика мама воспитывала одна. Их отец давно умер. Толик был для мамы – свет в окне, гордость, радость и надежда. Ему буквально перед ногами ковер стелили – уже в подъезде. Мама и сестра сдували с Толика пылинки и говорили о нем в таких эпитетах, будто он царь великой страны.

И вот что интересно. Несмотря на такое гипервнимание, парень не вырос эгоистом, нахалом, лентяем. Более того, было ясно и в детстве, да и по предварительным итогам жизни – то есть в настоящее время – можно утверждать, что Толик – это образец порядочности, трудолюбия, внимания к близким.

Наше общее детство прошло в теплом южном городе Понедельевске, на улице Толстого, недалеко от Красного базара и Оперного театра. И очень-очень далеко от Москвы.

Шел 1972 или 1973 год. А может и 1971..... От Томи я узнала, что Толик поступил в МГУ, и завтра рано утром придет такси, чтобы отвезти его в аэропорт. Он уезжает навсегда. Сначала учиться, но потом он обязательно останется в Москве. Ведь он очень умный. Ему незачем будет возвращаться в наш город. Толик обязательно станет великим ученым.

Я согласна была с Томой: Толик умнее всех на свете, и он должен стать великим ученым. Но мое детское сердце забилося и заняло от тоски – от предстоящей разлуки.

Мне жаль было расставаться с Толиком. Я не спала всю ночь. С рассветом я сидела на балконе. Чтобы увидеть отъезд Толика. Так и вижу картинку из прошлого – ранним летним утром подъехало такси, в него сел Толик, веселый и счастливый, и уехал. Я заплакала.

Мы не общались с Толиком как друзья, даже не беседовали. Мы просто рядом жили и вместе выросли. И все же мое отношение к нему было необычным, не как к соседу. Я тосковала от мысли, что Толик уезжает навсегда – будто бы теряла родного человека.

Толик уехал и учился в Москве. Он приезжал домой на каникулы. Но по-прежнему, мы не общались и не дружили. Но так как я становилась старше и хитрее, то я под разными предлогами заходила к подруге, чтобы увидеться с Толиком. И через несколько лет поняла: он заметил, что я уже не ребенок. И стал на меня смотреть с интересом. Я обрадовалась. В моей душе зародилась надежда. Ведь детские мысли о том, что Толик – это идеальный муж и отец моих будущих детей, уже оформились.

Однако мои надежды, что у нас что-нибудь может получиться, разбивались каждый раз, когда я слушала Тому и ее маму. Они говорили, что никогда не позволят, чтобы такой умный парень вернулся в нашу глухомань.

1975 год. Я бы не сказала, что решение поехать учиться в Москву самой – мое решение, и, тем более, что оно было бы продиктовано желанием быть ближе к Толику. Нет. Я даже не думала о Москве. Я грезила медицинским институтом в своем городе. А по Толику просто тосковала. Однако мой папа решил отправить меня учиться в Москву.

И вот в 16 лет я – «дурадугой» – оказалась в Москве.

То, что я совершенно не была готова к жизни и учебе в огромном городе, и о том, какие университеты я там прошла, не является темой данного повествования. Здесь речь идет о Толике.

Так вот, оказавшись в Москве, я решила, что это – шанс наладить отношения с будущим идеальным мужем и отцом моих будущих детей – Толиком Карповым. Про таких мужчин в кино главные героини обычно говорят: «мужчина моей мечты».

И я поехала в гости к «мужчине моей мечты».

Толик встретил меня очень хорошо. Ясно было, что он еще дома, на каникулах, пригляделся ко мне.

Что-то мне подсказывало, что я ему нравлюсь, и что я на верном пути. Я поехала к Толику в гости второй раз. Опять он очень хорошо меня встретил – познакомил с друзьями, водил гулять в парк.

Я сочла, что нужно действовать дальше. Я поехала к нему третий раз. Толик пригласил меня погулять по Москве. Мы долго гуляли, шутили, пели, весело смеялись, вспоминали детство. Дошли пешком до улицы Стромынки. Там на реке Яуза было кафе с таким же названием (оно и сейчас там есть). Толик предложил поужинать и поговорить. И вот что он мне сказал после ужина:

«Ляля! Ты очень хорошая девушка, и ты мне очень нравишься. Но ты не приходи ко мне больше, мне терзай мое сердце. Просто погулять с тобой я не могу – мы выросли вместе, и ты мне как сестра. А жениться я на тебе не собираюсь. У меня другие планы на жизнь. Я наконец-то вырвался из нашего города не для того, чтобы жениться на соседке. Мне надо жениться по расчету.

Я вырос без отца. Мне неоткуда ждать помощи. А я хочу сделать карьеру и завоевать имя в науке. Моя научная студенческая и дипломная работа по тематике являются трамплином в большую науку, в космонавтику. Но без поддержки этого мало.

Мне нужен очень влиятельный тесть. И я его нашел. Я скоро женюсь. Семья эта по-настоящему профессорская, очень состоятельная и влиятельная в научных сферах. Только в этой семье я смогу добиться осуществления своих планов.

Я тщательно выбирал себе невесту – профессорскую дочь. Да, твой папа тоже профессор, но ведь ты понимаешь, что Москва, и научная среда вокруг космической отрасли – это совершенно другой уровень, чем в нашем родном городе. И мне надо на этот высочайший уровень попасть. Красный диплом МГУ – это ступенька, но этого недостаточно. Мне нужна моральная и материальная помощь тестя – для защиты кандидатской и докторской».

Я молча выслушала Толика. И поняла: я вижу его последний раз в жизни.

Конечно, я была расстроена. Но я даже не ответила ничего, не говоря уже о каких-то действиях.

Я смирилась. Очень я уважала Толика. Если он сказал – так тому и быть.

Смирилась, но не забыла. Я вспоминала и вспоминаю Толика всю свою жизнь – до сего дня.

Вернувшись вскоре после разговора на Яузе в свой родной город, я не стала больше поддерживать отношения с Томой – чтобы не причинять себе душевную боль. Тем более, это было нетрудно – позже мы разъехались в разные районы города.

Особенно часто я стала вспоминать Толика, и горевать о неслучившейся у нас с ним счастливой любви, когда мне трижды не удалось создать семью. Каждый раз, сидя у разбитого корыта, я думала: Все закономерно. Ни с кем у меня семья и не сложилась бы. Ведь идеальным, данным мне судьбой мужем был Толик. Но он отказался от меня из-за космической отрасли.

Когда в эмиграции, в 90-е годы, мне было особенно тяжело – физически, морально, материально, я всегда думала: Вот какой умный Толик. Не только в математике, но и в жизни умный. Как ведь предвидел, что нельзя на мне жениться – неудачница я. И выбрал себе жену грамотно, по расчету.

Я всегда представляла себе красавца Толика в огромной московской профессорской квартире, именно в библиотеке – книжные шкафы под потолок. И на Толике в моих мыслях был стеганный атласный мужской халат с шалевым воротником – цвета бордо – поверх костюма (так я видела в фильмах про дворян 19 века). И весь он мне виделся такой солидный, именитый ученый – ездит на международные симпозиумы.

После таких мыслей я тяжело вздыхала – мне не повезло. Толик не женился на мне. И правильно сделал. Все мои мысли о Толике всегда были в хвалебном по отношению к нему ключе. Я никогда не злилась и не обижалась на него. Просто тосковала и жалела себя за эту неудачу в моей жизни.

* * *

В 2008 году я научилась пользоваться Интернетом. И стала искать Толика. Просто посмотреть фото.

Не нашла.

В 2010 году я в Интернете нашла Тому. Как я обрадовалась! Мы с ней не стали переписываться – созвонились.

Я для вежливости сначала стала спрашивать про ее дела, а сама ждала момента – спросить про Толика. Но тут Тома сама сказала мне следующее:

«Я с мужем планирую через месяц приехать в Москву. Давай встретимся и вместе поедem – навестим Толика. На его могилку. Он умер несколько лет назад. Не дожив одного месяца до своего 50-летия».

Через месяц Тома, ее муж и я, приехали к Толику на его могилу. Была зима, много снега, но могилу мы нашли быстро. Возложили цветы.

Тома не забыла привезти мне все детские фото – наши общие, и фотографии Толика разных лет. Я попросила ее об этом, чтобы отсканировать фото, и распечатать себе экземпляры. У меня все эти фото не сохранились. Потом я оригиналы отправила Томе в тот город, где она жила. Я волновалась, чтобы они не потерялись. И так же переслала ей электронные варианты фото.

В этот день встречи – а мы не виделись с ней 25 лет – мы с Томой обсудили всю жизнь Толика. Кричали, шумели, плакали. И раз пять чуть было не повздорили – не то чтобы со злостью, но ругали друг друга сильно.

Вот как, оказывается, сложилась судьба Толика.

Вскоре после ужина со мной в кафе Яуза в 1976 году, Толик женился. Блестящая партия. Толик переехал в роскошную профессорскую квартиру тестя – известного ученого Белкина – в центре столицы, поступил в аспирантуру.

Родилась дочь.

Вроде бы все шло по плану. Однако – не совсем.

Жена Толика – Нонна – во всем слушала своих родителей, а они не были довольны зятем. Они планировали видеть в зятях другого парня – вдруг выяснилось такое обстоятельство.

Перед замужеством дочь настояла, что хочет выйти замуж именно за Толика – сказала родителям, что уже отступать некуда, что, мол, свадьбу надо играть срочно. Это она специально сделала, чтобы выбор был одобрен – на самом деле Толик был таким гипертрофированно порядочным парнем, что он не посмел бы даже прикоснуться к девушке до свадьбы.

Но теперь девушка стала думать, как ее родители. Что она просчиталась с замужеством. Можно было выйти замуж за обеспеченного, уже состоявшегося и перспективного парня. А не ждать, пока мужбудет делать карьеру.

Толик был в глазах родителей жены голодранцем из провинции – без роду без племени. И его научные амбиции и планы поддерживать они не собирались.

Они подчеркивали особое положение парня – «в примаках», и считали, что ему нужно работать не покладая рук. Муж дочери должен приносить много денег – отрабатывать жилье в центре города «на всем готовом». И потому не одобрялась слишком усидчивая учеба в аспирантуре – чтобы заработать имя в науке, нужно 20 лет потратить.

После рождения ребенка жена Толика и ее родители стали особо настаивать на прикладной работе молодого ученого с целью привнесения денег в семью. Не потому что денег в семье было мало – просто деньги могли бы компенсировать положение Толика как «голодранца» – в те времена не было термина «понаехали». Но имелось в виду именно это. И являлись бы «платой» за московскую прописку.

Семья, наука, космонавтика – все пошло прахом. Толик и его жена расстались.

Это был 1979 год. Я тогда еще не вышла замуж. Если бы я к тому времени не порвала отношений с Томой, то я бы узнала об этом разводе.

Тома – зимой 2010 года – стала на меня кричать и ругаться – почему я так запросто отказалась от Толика и не интересовалась им? А я ей ответила, что она и сама могла бы мне рассказать – мы вообще еще жили в одном подъезде в этот момент! И она не рассказала мне о разводе Толика!

А Тома мне в ответ сказала, что она понятия не имела ни о моих чувствах к Толику (она услышала о них впервые только во время поездки на кладбище), ни о нашем с ним разговоре в кафе Яуза. Поэтому и не стала рассказывать о разводе.

Наш диалог был на повышенных тонах – муж Тома пугался и вздрагивал:

Тома: Почему ты никогда не поделилась, что он тебе нравился? Это же надо быть такой скрытной. Подруга называется.

Я: Зачем? Вы с матерью постоянно говорили о его светлом научном будущем в Москве. Вы бы и слышать не захотели о такой невестке, как я – с проживанием в Понедельевске.

Тома: Но когда ты встретила с ним в Москве, почему ты поступила, как курица безмозглая? Он сказал: Нет. И она пошла понурая. Надо было затащить его в постель – он порядочный, обязательно бы женился на тебе. И не попал бы в лапы этих Белкиных.

Я: Это ты сейчас так говоришь. А если бы я тогда так поступила, то вы бы с матерью всю жизнь меня кляли: ш....., залезла в постель, женила силой, не дала ему в науку большую попать, женившись на Нонне Белкиной. Так бы вы меня обзывали, и Толика бы против меня настраивали.

Тома: Ну и что? Зато ты бы спасла его от неправильной женитьбы. А там дальше все бы утряслось как-нибудь.

Я: Нет, тогда я все правильно сделала. А вот после его развода – тут ужасная ошибка. Если бы ты мне сообщила в 1979 году о его разводе, можно было бы его «перехватить тепленьким». Вот тогда у меня был шанс. Он уже к тому времени умерил свои амбиции по космонавтике. И пинка ему из профессорской квартиры дали. На мне, с кем он вырос, кто ему нравился с детства – он бы точно женился.

Тома: Да, упустили мы Толика именно в 1979 году! Как жаль!

Я: Так жаль, что не знаю, как теперь жить с этой мыслью. Я в том году вышла замуж, тогда как «мужчина моей мечты» развелся. Я потеряла своего родного человека. Просто потому, что не знала о его разводе. Мне страшно.

Тома: Если я тебе сейчас расскажу, что случилось с Толиком после 1979 года, тебе станет еще страшнее.

Я:?

После развода с семьей профессора Белкина, Толик остался в Москве. Надо было где-то жить и работать. Наукой, конечно, тоже хотелось заниматься – но для этого не было возможности.

Толик устроился на работу на рынке – торговать линолеумом. И поселился в общежитии – там же, на территории и в ведении рыночного комплекса строительных материалов. Выбор работы был сделан в зависимости от прописки и проживания.

С годами Толик – он ведь был очень умным человеком – и диссертацию все же «добил», да и линолеумом стал торговать не по найму, а как владелец магазинчика. И комнату купил, а не в общежитии жил. Но это – позже.

А пока, после развода, Толику было очень нелегко. Вместо космонавтики оказаться на рынке – это стресс.

Конечно, душа болела. И потянулась к теплу.

В общежитии, где поселился Толик, жила девушка с ребенком. Она приехала из захолустного города далекого Зауралья. В родном городе ей было сложно – без мужа, без профессии. К тому же ее девочка была от рождения глухонемая. А в столице и заработать можно, да и показать девочку врачам – вдруг смогут вылечить – хотелось надеяться.

Толик был очень порядочным человеком. Он не смог просто «погулять». Он женился.

Потекли годы. Природный ум Толика не позволил ему оставаться неудачливым. Бизнес он развивал, старался очень. Но еще были не те времена, да и объемы не те, и товар не особо ходовой – много ли наторгуешь линолеума?

Толику было трудно. Он платил алименты – в первой семье не особо нуждались, но он не мог иначе.

Содержал вторую семью. Старшая девочка – он ее удочерил. Родилась и общая дочь – к сожалению, тоже глухонемая.

Заботился о матери и сестре – постоянно посылал им денег.

На этом месте рассказа Томья начала ее ругать:

Я: Ты знала, как ему тяжело, и ты брала у него деньги? У тебя муж был! Бессовестная, ты не жалела брата!

Тома: Да он сам! Ты ведь знаешь, какой он порядочный – сам не поест, другому отдаст. А мне тоже было нелегко. Мы выехали в эмиграцию в 1992 году. Приехали в маленький провинциальный городок – работы нет, денег нет, жилья нет. Муж устроился на работу, на копеечную зарплату, так как там дали участок под строительство дома. Мама с нами – инсультом разбита. Дочка маленькая. Мне приходилось брать у брата деньги. Иначе мы бы не выжили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.